

Наложница Сяо Шуи обернулась:

— Ли Шэнь.

Ли Шэнь, ожидавший снаружи, поспешно вошёл:

— Ваша светлость.

— Приведи сюда ту девчонку.

В глазах Сяо Шуи промелькнуло отвращение.

Чжао Моцзянь смотрела на ребёнка в поношенной одежде с явным презрением. Лицо, которое было похоже на её собственное на пять десятых, вызывало у неё лишь неприязнь.

Ребёнок, казалось, был охвачен страхом, дрожа всем телом, он опустился на колени:

— Приветствую вашу светлость, приветствую ваше высочество.

Сяо Шуи взяла чашку чая, стоявшую рядом, и произнесла спокойным голосом:

— В последние дни ты не бегала где попало, верно?

— Нет... нет, ваша светлость приказала, и я не осмеливалась ослушаться.

Сяо Шуи холодно посмотрела на неё:

— Хорошо, что не бегала. Запомни одну вещь: в тот день упала в воду Седьмая принцесса, и Принцесса Чаннин спасла именно Седьмую принцессу. Если я услышу хоть малейший намёк на что-то другое, ты знаешь, что будет, верно?

Чжао Циань прижалась к полу:

— Я понимаю, в тот день в Озеро Тайе отправилась принцесса, а не я.

— Уходи. И не забудь отправиться на тренировку. Не возвращайся до часа Хай. Ли Шэнь.

Ли Шэнь, стоявший рядом, уже держал чашку чая. Услышав приказ, он подошёл к ребёнку, присел и насильно влил ему чай.

Его лицо оставалось бесстрастным, движения были уверенными, словно он делал это уже много раз. Чай лился быстро, и ребёнок начал кашлять, но не сопротивлялся, выпив всю чашку до дна.

После долгого кашля ребёнок поднялся на ноги, готовый уйти, но Сяо Шуи вдруг произнесла:

— Впредь не позволяй мне слышать твоё имя. Во Дворце Нефритового Сияния ты должна называть себя рабыней.

Ребёнок замер на мгновение, затем ответил:

— Да.

И исчез.

Сяо Шуи усмехнулась:

— Дорогая сестра, ты действительно любишь её, Циань? Пусть же она молится всю свою жизнь. Я позабочусь о ней как следует!

На её прекрасном и величественном лице появилась зловещая улыбка, придавая ей мрачный вид.

Чжао Моцзянь, стоявшая рядом, хотя и не совсем понимала слова Сяо Шуи, но наблюдала за унижением ребёнка с явным удовольствием. Однако ей было скучно, ведь тот слишком покорно подчинялся.

— Ваша светлость, Принцесса Чаннин прибыла.

Сяо Шуи мельком взглянула:

— Цзянь, она здесь.

Вернувшись из Дворца Нефритового Сияния, Фу Яньцин чувствовала себя крайне некомфортно. Хотя нынешняя Чжао Моцзянь была всего лишь девятилетним ребёнком, знакомые черты лица и манеры поведения заставляли её постоянно вспоминать о жестоком и беспощадном императоре, каким тот станет через тринадцать лет. Если бы не годы испытаний, которые она прошла, она бы не смогла сдержать ненависти, поднимавшейся из глубин её сердца.

Как глупа она была в прошлой жизни! Сяо Шуи, как бы она ни старалась скрыть, не могла утаить врождённую надменность и презрение Чжао Моцзянь. В детстве она не понимала, почему, повзрослев, она так и не смогла разглядеть этого.

Когда они дарили ей подарки, разница между ребёнком по имени Ань и Чжао Моцзянь была как небо и земля. Теперь, оглядываясь назад, она понимала, что все подарки, которые Чжао Моцзянь ей дарила, были редкими и ценными, но ни один из них не был подарен с искренностью. Даже её любимые пирожные «Уточка-неразлучница» казались ей приторными.

Достав три оставшихся фрукта, которые уже потеряли свою свежесть и выглядели слегка сморщенными, Фу Яньцин задумалась, а затем откусила один. Хотя внешний вид был не идеален, вкус оставался сладким, и это неожиданно облегчило её сердце после дня, полного притворства.

Лежа в постели, Фу Яньцин не могла уснуть, размышляя о своих дальнейших планах. Как бы ни было тяжело, она должна относиться к Чжао Моцзянь так же, как в прошлой жизни, чтобы завоевать её доверие. Хотя они всегда использовали её, но, будучи заложницей-принцессой, она в прошлой жизни приобрела свои навыки благодаря Чжао Моцзянь. И боевые искусства, и стратегия — всё это она смогла изучить благодаря ей.

Хотя замена нескольких служанок и евнухов, вероятно, была делом рук Наложницы Сяо, но, в общем, ничего не изменилось. Даже присланные люди были знакомыми лицами, что для Фу Яньцин было счастливой случайностью. К тому же, ребёнок всегда вызывает меньше подозрений.

Почти засыпая, Фу Яньцин услышала скрип. Она резко проснулась, нахмутив брови. Неужели этот малыш снова здесь?

Она выглянула в окно, и через мгновение ранее закрытое окно открылось. Маленькое тело ловко проскользнуло внутрь, но при приземлении слегка покачнулось, не издав ни звука.

Фу Яньцин не могла не восхититься: с такими навыками жаль, что он не стал вором.

Размышляя об этом, она поднялась и подошла к нему. Ребёнок, казалось, что-то не так, приземлившись, он оставался на корточках, не вставая. Хотя Фу Яньцин была ребёнком, до поступления во дворец Фу Хуай нанял для неё учителей, и она обладала некоторыми навыками. Она осторожно подошла, не потревожив ребёнка в полумраке комнаты.

Фу Яньцин, одетая в тонкую одежду, молча наблюдала за ним, не зная, почему не произнесла ни слова. Ребёнок, пробыв на корточках некоторое время, поднял голову и, увидев перед собой человека в белом с растрёпанными волосами, широко раскрыл глаза, откинулся назад и упал на пол.

Фу Яньцин не ожидала такой реакции, но, глядя на испуганного ребёнка с круглыми глазами, сидящего на полу и тупо смотрящего на неё, ей стало немного смешно.

Она присела и мягко произнесла:

— Это что, совесть замучила? Ты прокрался ко мне в комнату посреди ночи, а сам испугался?

Ребёнок был удивлён холодностью Фу Яньцин в ту ночь, и его выражение лица стало ещё более растерянным.

После встречи с Чжао Моцзянь, Фу Яньцин стала лучше относиться к этому ребёнку и ласково сказала:

— Что ты там сидишь? Пол холодный, вставай.

Лицо ребёнка покраснело, и он поспешно поднялся, но его движения были скованными, словно ему было больно напрягаться.

Фу Яньцин, привыкшая к травмам, сразу это заметила и протянула руку, чтобы помочь ему:

— Ты ушибся?

При этом прикосновении лицо ребёнка побелело, и он стиснул губы, чтобы не закричать.

Фу Яньцин нахмурилась, подняла его, но почувствовала, что его тело, обычно мягкое, стало напряжённым, что вызвало у неё ещё большее недоумение.

Ребёнок был худым, и, хотя Фу Яньцин было тяжело, она смогла поднять его, положила на кровать и начала раздевать.

Ребёнок испугался, схватился за воротник и отполз назад, словно маленькая невеста, смотря на Фу Яньцин жалобными глазами.

Фу Яньцин почувствовала, что она словно издевается над ребёнком, мысленно ругая себя, она холодно сказала:

— Раздевайся, иначе уходи.

Ребёнок замер, стиснул губы, отвернулся и перестал двигаться, с выражением лица, словно он

готов пожертвовать собой, что вызвало у Фу Яньцин лёгкую улыбку.

Но когда она сняла его нижнюю одежду, улыбка исчезла. В комнате было темно, но, привыкнув к темноте, можно было разглядеть некоторые детали. Особенно выделялось маленькое белое тело ребёнка, но на нём были отчётливо видны большие тёмные пятна. Грудь, живот, руки, рёбра — почти не было ни одного здорового места. Фу Яньцин надавила на его рёбра, и ребёнок застонал, тело напряглось.

Взгляд Фу Яньцин стал ещё холоднее. Она ненавидела тех, кто обижают слабых. Хотя этот ребёнок тоже был из рода Чжао, она не могла не почувствовать жалость к этому послушному и мягкому ребёнку. Она сама прошла через этот дворец, где людей пожирают без остатка, и понимала, каково это — быть беззащитным и подвергаться унижениям.

Хотя она и не была сильной, но, будучи принцессой, она редко становилась жертвой дворцовых интриг. Но этот ребёнок, вероятно, страдал ещё больше. Вспомнив, как он боролся в воде, Фу Яньцин почувствовала себя ещё хуже. Она ненавидела род Чжао, но этот ребёнок страдал из-за своей принадлежности к этому роду.

— Тебя кто-то избил?

Фу Яньцин глубоко вдохнула и спросила серьёзно.

Ребёнок опустил голову и, спустя долгое время, покачал головой.

Увидев это, Фу Яньцин не стала продолжать расспросы, а начала ощупывать его тело, проверяя, не сломаны ли кости.

После осмотра ребёнок покраснел, а Фу Яньцин стала ещё более раздражённой. Рёбра, вероятно, были сломаны, а другие места опухли. Она не могла понять, как ребёнок с такими травмами смог пробраться в её комнату.

<http://bllate.org/book/16696/1533173>